

Марина
СЕРОВА

**БЫВШИХ
ЛЮБОВНИЦ
не бывает**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
БЫВШИХ ЛЮБОВНИЦ НЕ БЫВАЕТ
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7150487
Бывших любовниц не бывает : роман / Марина Серова: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70884-0

Аннотация

Частный детектив Татьяна Иванова расследует дело о гибели мелкого предпринимателя Никиты Говорова, сгоревшего в собственном гараже. Первым кандидатом на роль подозреваемой в убийстве является вдова – Светлана Говорова. Мать Никиты с яростью обвиняет в смерти сына невестку, но можно ли верить словам свекрови, для которой Светлана долгие годы была врагом номер один? Иванову многое смущает в этой лежащей на поверхности версии. Долгий опыт работы частным детективом подсказывает ей – не все так просто и очевидно в этом крайне запутанном деле...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

БЫВШИХ ЛЮБОВНИЦ НЕ БЫВАЕТ

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Я ехала к своей подруге, Ленке-француженке, в приподнятом настроении. Буквально час назад она позвонила мне и предложила встретиться. Так как мы давно не виделись и я в данный конкретный момент пребывала в блаженном и вполне заслуженном бездействии, я согласилась. Почему бы и нет? Все лучше, чем еще один вечер скучать дома перед «ящиком».

Моя бежевая «девятка» повернула в Ленкин двор. Я припарковалась возле солидного черного «мерса» и вышла из машины. Подругу я заметила сразу: она стояла во дворе с какой-то теткой и, казалось, внимательно слушала ее, а та что-то возмущенно говорила, держа в одной руке дамскую сумку, а в другой – носовой платок, время от времени вытирая им глаза. Я неторопливо направилась к ним.

– ...Так ведь они же ничего не делают, гады! Нет, Лен, ты только подумай: человека убили, и не просто убили – живьем сожгли! Где это видано – такое изуверство?! Его же в закрытом гробу хоронили, ну, ты помнишь, я говорила... И что? А ничего! Убийца, вон, – сволочь, мразь! – ходит как ни в чем не бывало, даже глаз не прячет. А они мне говорят: «Извините, нет доказательств!» Я им говорю: что значит – нет?! Ищите! На то вы и милиция... Или как там их теперь?.. Полиция, черт бы их побрал! Все привыкнуть не могу...

Женщина в очередной раз вытерла глаза платком. Ленка сочувственно кивала, на ее лице застыло скорбное выражение. В этот момент я подошла к ним и, извинившись перед женщиной, поздоровалась с подругой.

– А, Тань, привет...

Но Ленкина собеседница не дала нам поговорить. Не обращая на меня никакого внимания, она снова заговорила, схватив мою подругу за локоть:

– Так как же мне теперь жить, скажи мне?! Если полиция так и не найдет доказательства, – а она их точно не найдет, зачем им! – мне что, самосуд над ней устроить? Сжечь ее живьем, как она моего сыночка сожгла...

Женщина заплакала навзрыд. Я посчитала своим долгом вмешаться.

– Вот этого точно не надо! – сказала я твердо, но с участием в голосе, и посмотрела на подругу, ища у нее поддержки.

Ленка кивнула:

– Да, Вероника Станиславовна, вы уж сами, того... Ведь самосуд – дело наказуемое, вас посадить могут!

– Посадить? А что же мне тогда делать? Простить?! Как? Как забыть, Лен?! Она ведь и наследство теперь получит... Разве это справедливо?! Нет, виданное ли дело, люди добрые, – убила мужа да еще и при богатстве осталась! А ведь это он все заработал, сыночек мой! А эта тварь восемь лет дома сидела, пальцем о палец не ударила!

– Вам надо нанять частного сыщика! – нашлась вдруг Ленка и удивленно посмотрела на меня, должно быть, поразившись своей находчивости.

– Частного сыщика? Да где же его взять? – растерянно пожала плечами соседка и безнадежно махнула рукой. – Знакомых у меня нет, а незнакомым я не особо доверяю.

– Да вот же он – перед вами! Вернее, она...

Ленка указала на меня рукой.

Женщина всхлипнула и подняла на меня красные от слез глаза:

– Это правда? Вы – сыщик?

Я кивнула. Вероника Станиславовна по инерции всхлипнула вновь, нервно потерев платочек. Лена поспешила представить нас друг другу:

– Моя подруга – детектив, юрист по образованию, между прочим, в прокуратуре работала. Она столько людям помогла! И как раз в таких вот ситуациях, как у вас, – разрекламировала меня Ленка.

– И мне сможете помочь? – спросила женщина.

Я пожала плечами:

– Не знаю, но попробовать можно.

– А что для этого нужно?

– Для начала нам надо где-нибудь уединиться, чтобы вы могли мне рассказать все по порядку и с подробностями, а уж я решу, как вам помочь. Только... – я замялась, выдержала многозначительную паузу, – ...мои услуги, извините, не бескорыстны. Это моя работа...

– Вы насчет денег? – женщина торопливо кивнула. – Это не проблема, не беспокойтесь, деньги у меня есть! Я ведь работаю, да и сынок мне частенько подкидывал, он ведь у меня предпринимателем был, не бедствовал. Да-а... А я его деньги почти не тратила, все откладывала... видимо, теперь и пригодятся...

Женщина снова всхлипнула, Ленка торопливо взяла ее за локоть и повела в подъезд.

– Идемте, Вероника Станиславовна, что ж мы на улице-то?.. Вон, прохожие смотрят... Мы дома обо всем поговорим...

Втроем мы вошли в прохладный полумрак подъезда, и Вероника Станиславовна достала ключи от своей квартиры. Вскоре мы сидели в уютной гостиной за столом из дуба, на котором хозяйка разложила семейные фотографии. Я тайком рассматривала женщину. Ей было за пятьдесят, точнее я не могла бы сказать, хотя смерть сына, конечно же, сказалась на ее лице: оно было бледным, под глазами виднелись синие круги. Женщина явно состарилась за последнее время. Грустные серые глаза, пепельные, явно крашенные волосы, собранные в аккуратный пучок, небольшие золотые сережки в маленьких ушах, синяя кофточка темного оттенка, строгая черная юбка – таков был портрет моей новой клиентки. Вероника Станиславовна взяла со стола одну из фотографий, протянула мне. Ее руки, с тонкими пальцами, с покрытыми светлым лаком ногтями, немного дрожали.

– Это вот Никитушка в школе, – сказала хозяйка грустным голосом, – в десятом классе. Он тогда ходил в кружок математики... Господи! Как у нее только рука поднялась?! Ведь он кормил ее!..

Женщина всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

– А это он в институте, – она протянула мне другую фотографию, – со своей первой девушкой, Катей. Хорошая была девушка, училась на курс ниже... Почему они расстались? Не помню... А это Никитушка в день получения диплома, видите, какое у него счастливое лицо? Он едва не вышел на «красный», совсем чуть-чуть не дотянул. Но не огорчился, сказал, что это неважно, главное – знания у него есть... Господи! Как только его угораздило жениться на этой твари?! Какие девушки за ним бегали! Одна была его начальницей, это когда он после института в одной фирме работал... Она ему названивала, а он, дурачок, выбрал эту гадину, эту подлую тварь!..

Вероника Станиславовна вновь всхлипнула, потянулась за платочком. Ленка посмотрела на меня вопросительно, как бы спрашивая: что делать? Я незаметно махнула рукой: мол, пусть выплачется. Так и случилось: через минуту хозяйка квартиры немного успокоилась и продолжила рассказ:

– А это он с Олесей... Как ее фамилия? Помню, такая странная, не то Рудых, не то Рыжих... Они даже жили года два в гражданском браке. Я, конечно, была против: что это еще за мода такая – гражданский брак?! Ни тебе свадьбы, ни печати в паспорте! Родственники и знакомые спрашивают: ну, как, ваш-то женился? И что я могла им ответить? То ли женился, то ли нет... По-моему, это просто распущенность. А девки-то пошли – стыдоба! Пришла

к парню – и живет себе. Ни жена, ни невеста – сожительница! Нет, в наше время такого безобразия не было!

– А почему они расстались? – спросила я, рассматривая фото молодого человека.

Он был довольно симпатичным. Здесь, на этой фотографии, ему было лет двадцать – двадцать два. Высокий брюнет с открытым взглядом, в обтягивающих узкие бедра джинсах. Плечи достаточно широкие, одет со вкусом... Ничего мальчик, девчонкам такие нравятся. Рядом с ним, прижавшись к его боку и театрально выставив вперед одну ножку, стояла высокая блондинка... да, по всему видно – искусственная. Смазливая мордочка, а в общем-то, так, ничего особенного. Взгляд заносчивый, но глаза – не умные, а какие-то хитрые, что ли...

– Почему расстались – это отдельная история, – сказала устало Вероника Станиславовна, – а я уж и рада была, что они тогда не расписаны были! Выгнал Никитушка эту нахалку – и дело с концом!

– Так за что выгнал? – не унималась я, сама не зная, почему прицепилась к этой Олесе.

– За то, что она ему изменила, Никитушка мне сам рассказывал. Не могу, говорит, простить ее. И выгнал... А ведь два года вместе прожили!

– И она вот так и ушла?

– Ушла?! Да вы что?! Скажете тоже... «Ушла»! *Увели* ее, причем со скандалом.

– Что вы говорите?! И кто же скандалил?

– Так она и скандалила, Олеся эта. На весь подъезд! Уходить, видите ли, не хотела. Кричала: «Люблю! Не бросай меня, Никита! Я без тебя жить не смогу, с балкона брошусь!..» И ведь правда, рвалась к балкону, дурища. Пришлось даже милицию вызывать, они ее связали...

– Ничего себе!

– Да, Танечка, эта Олеся такой психованной оказалась, такой дурой! Никитушка месяц после этого случая в себя приходил, так переживал... Она ведь тогда кричала на весь подъезд: «Ты еще пожалеешь! Я тебе такое устрою! Тебе не жить!..»

– Ого!

– Ой, а я-то как тогда переживала! Едва с инфарктом не слегла.

– И чем дело кончилось?

– Ей тогда мелкое хулиганство оформили, оштрафовали да и отпустили. Что еще можно с такими припадочными сделать? А меня соседи еще долго расспрашивали, вот и подруга ваша в курсе... А потом, когда Никитушка стал с другой девушкой встречаться, Олеся их подкарауливала и скандалы учиняла прямо на улице. Они и расстались, Никита и его новая девушка... Я уж тревожилась о том, что эта психическая не даст ему жизни, да зря, не этого надо было бояться. Со Светкой, тварью этой, все намного хуже вышло...

– А что у них было со Светкой?

– К тому времени, когда Никитушка с ней встречаться начал, Олеся, эта придурочная, успокоилась или уехала куда-то. Черт ее знает, только в его жизни она больше не появлялась.

– Может, руки на себя наложила с горя? – несмело предположила Лена.

Вероника Станиславовна посмотрела на нее, как на психически ненормальную Олеся.

– *Такие* на себя рук не накладывают! – безапелляционно заявила она. – Такие другим жизнь отравляют. А Светка эта не только отравила жизнь моему сыну, она забрала ее!

– Так вы все-таки думаете, что это сделала Света? – спросила я.

– А кто же еще?! Она, подлая тварь, она, гадина! И к гадалке не ходить...

– А за что?

– Так ведь ясно, за что: избавиться хотела от мужа.

– Но он же ее кормил-поил?

– А она сама хотела бизнесом управлять!

– Сама?

– Ну да. Просила даже Никитушку ее управляющей поставить в его кафе. А он – ни в какую. Какой, говорил, из тебя управляющий?! Ты все дело мне развалишь, ты же не смыслишь в бизнесе!

– А она?

– Обижалась. Никитушка мне сам рассказывал, говорит, мама, из Светы такой же управляющий, как из меня – папа римский. Не шарит ведь ни в общепите, ни в бизнесе, так куда лезет?! Она у нас физик по образованию.

– А Света что?

– Ничего. Дулась на Никитушку.

– А он?

– А он ей говорил: сиди, мол, дома, твое дело – бизнесмену хороший уход обеспечивать. Чтобы я пришел с работы, а дома – чистота, порядок, уют. Чтобы щами вкусно пахло, и чтобы жена-красавица встречала меня – причесанная, отдохнувшая, свежая, а не замученная на работе.

– А Света любила все это? Ну, наводить чистоту и готовить?

– Куда там! Терпеть не могла, белоручка. А готовила так вообще из рук вон плохо, я удивляюсь, как только она не отравила моего сыночка?! Никитушка ее даже на курсы посылал.

– Какие?

– Кулинарные. Он в газете вычитал, одна фирма организовала их для жен предпринимателей, там, говорят, учили дам всякие деликатесы готовить, ну и обычную еду тоже. И еще посылала я ее на курсы кройки-шитья.

– Света шьет?

– Она?! Да она пуговицу пришить не может. И вообще, у нее руки не из того места растут. Как только Никитушку угораздило жениться на этой неряхе-неумехе?!

– Внешностью взяла, – со знанием дела кивнула Лена.

– Да, да, как говорится, не делом, а телом... А это они в Германии, в прошлом году ездили...

Вероника Станиславовна положила передо мной очередную фотографию. На меня смотрела счастливая, казалось бы, пара – молодой мужчина и молодая женщина на фоне какого-то старинного замка в готическом стиле. Здесь Никите было лет тридцать, его супруге – примерно столько же. Светлана была приятной на вид особой, не очень высокой, но стройной и одетой изысканно. Она оказалась шатенкой – копна золотистых волос обрамляла ее белокожее лицо с большими зелеными глазами. Нежный румянец покрывал скулы, носик был кокетливо вздернут, а пухлые губы тронула почти джокондовская улыбка.

– А детей, говорите, у них нет?

– Нет, – поджала губы хозяйка. – Эта безрукая ему даже ребенка не родила – за восемь лет-то лет совместной жизни!

Ого! Это они столько прожили?

– А-а... извините, причина? – спросила я.

– А это имеет какое-то значение? – удивилась женщина.

– Разумеется, нет, – поспешила я ее успокоить, – просто у меня был случай в практике, когда муж был бесплоден и не давал жене развода, а ей очень хотелось ребенка...

– И что? – заинтересовалась Вероника Станиславовна.

– Ничего. Она его убила.

– Боже мой! Из-за этого?! – женщина горестно покачала головой. – Куда катится мир!.. Нет, Никитушка мой не был бесплодным, я это точно знаю, потому что одна девушка... была от него беременна. Но это было давно.

– Не та ли самая Олеся? – предположила я.

– А вы догадливы, – женщина впервые за время нашей беседы посмотрела на меня долгим внимательным взглядом.

– Профессия обязывает... Так, говорите, они ссорились?

– О! Еще как! Эта дрянь требовала к себе внимания, много внимания, а Никита, сами понимаете, целыми днями пропадал в своих кафе. Но это же естественно! Бизнес требует много времени, это вам не работа на дядю, когда пришел домой, лег на диван и забыл, что там и как на службе... Пусть, мол, у хозяина голова болит за свое дело. Когда у Никитушки было одно кафе, это еще ничего, оно было давно «раскручено», и он хоть ночевать домой приходил, а вот когда он второе открыл... Тут уж – извините! – чуть ли не по двадцать часов в нем пропадал, не всегда получалось дома заночевать. Ну, Светка, гадина, на нем и отыгрывалась! Уж чего только сыночек мой от нее не наслушался! И на семью-то ему наплевать (это она-то – семья?!), и бабу-то он, такая-сякой, завел... Все требовала, чтобы он раньше приходил, в дорогие рестораны ее водил ужинать или, там, в ночной клуб, или на концерты, ей же не терпелось наряды свои продемонстрировать! А когда ему было по клубам ходить, скажите мне? Если он в двенадцать ночи домой придет, с ног, бедняжка, валится от усталости, до ночного ли клуба ему?! А *эта* ничего понимать не хотела, эгоистка! Свинья! Как только таких земля носит?!

– Значит, в клубы и другие увеселительные заведения, я так понимаю, Света ходила одна? – предположила я.

– С подругами или друзьями, – уточнила Вероника Станиславовна. – Никитушка мой вообще такой отдых не одобрял, считал его пустой тратой времени. Он любил делом заниматься, он у меня такой серьезный был, такой целеустремленный!

Последние слова женщина произнесла с нескрываемой гордостью за сына.

– Так если ваш сын ругался с женой... – начала было я, но хозяйка меня перебила.

– Это не он с ней, это *она с ним* ругалась, – уточнила Вероника Станиславовна и поднесла к глазам платочек.

– Пусть так, – согласилась я, – но, если даже они и ругались, это еще не значит, что она его убила.

– Почему?

– Нет мотива, извините. Неприязненные отношения – это еще не мотив. Сколько жен недовольны своими мужьями, но не убивают их.

– Нет мотива?! – возмутилась Вероника Станиславовна. – А два кафе – это не мотив?! Вы знаете, какой с них доход? А-а... А их квартира – «трешка» в центре, между прочим, шикарная, с евроремонт, – это не мотив?! А машина Никиты – «Лексус», а его счет в банке?... Я уж не говорю о двух гаражах, это так, мелочь. Теперь она – владелица всего этого, а главное – теперь она управляет его бизнесом, как и хотела. Ведь что после смерти Никитушки выяснилось? Что он сделал ее совладелицей своего бизнеса, да! Это ей такой подарок был – на свадьбу... Видели бы вы, как гордо она теперь ездит в его машине! А с каким видом заходит в кафе! Как же, хозяйка! Единственная хозяйка... Всех работников заставила называть себя по имени-отчеству. А кто на все это заработал, я вас спрашиваю? И на квартиру, и на машину, и на все остальное? И это, по-вашему, не мотив?!

Женщина даже покраснела от возмущения. Я подумала всего минуту, прикинула, что здесь можно сделать.

– Ну, что ж, пожалуй, я возьмусь за ваше дело, – сказала я, – моя ставка – 200 долларов в день. Вас это устроит?

– Да, конечно, я же сказала, с этим у меня проблем нет. Сыночек баловал меня, давал мне деньги, хотя я всегда была против... Ну зачем они мне? У меня зарплата есть, я няней работаю в хорошем доме. Тогда он стал покупать мне всякую домашнюю технику: кофемолку, печь СВЧ, стиральную машину, посудомоечную... А на последний мой день рожде-

ния подарил вон то чудо, – женщина кивнула на довольно-таки большой телевизор с жидкокристаллическим экраном, стоявший у окна. – А куда мне было девать свои деньги? Я их и откладывала... Если бы он знал, на что они теперь мне пригодятся!..

– У меня еще вопрос, – сказала я, – как именно погиб ваш сын? Я понимаю, что вам очень больно, но...

– Да, конечно, я готова, – кивнула она, – для дела я готова вспомнить все с самого начала... В тот день он, как обычно, приехал домой поздно. Примерно в двенадцатом часу. Поставил машину в гараж...

– Простите, гараж далеко от его дома?

– Нет, минут пять-семь ходьбы. Там довольно большой гаражный бокс, и гаражи в основном подземные. Но его – на земле, их там немного, кажется, около двадцати. И еще строят рядом новые... Никитушка поставил машину в гараж, и в этот момент дверь заперли снаружи.

– Как именно?

– Подперли доской, подставив ее под ручку двери. Он оказался в ловушке. А потом, как следователь сказал, скорее всего, плеснули в вентиляционную трубу бензин и бросили зажженную ветошь или что-то типа того. Сами понимаете, что такое гараж – там же все в масле и бензине, все мгновенно и вспыхнуло... Разве он мог потушить огонь?! Сгорел, сгорел мой сыночек, бедный мой! Хотя и успел «спасателей» вызвать, но приехали они уже поздно...

Женщина зарыдала в голос. Мы с Ленкой сидели молча и не знали, что делать. Как можно утешить человека в такой ситуации? Но вскоре она перестала плакать, вытерла слезы и продолжила охрипшим голосом:

– Вот так я и осиротела на старости лет. Старенький «Форд» тогда тоже сгорел, а его «Лексус» в другом гараже стоял, он уцелел. Никита этот автомобиль берег: он совсем новый... Следователь меня вызвал, сказал, что уголовное дело они завели, вот только с подозреваемыми, мол, туго. Я говорю: как же туго, а жена? Я точно знаю, Светка его убила, тварь! Ну, может, не сама, да, скорее всего, не своими руками, но заказала, я уверена, она! А следователь мне говорит: кому заказала? Кому конкретно? Вы, говорит, знаете? Фамилию исполнителя можете назвать? А я отвечаю: откуда же я знаю?! Вы, говорю, полиция, вы его и ищите! А он: мол, если бы она мужа заказала, так сняла бы деньги со счета, и немалые, а за последние полгода ни она, ни ее муж со своего счета крупных сумм не снимали, он, видите ли, это проверил. И то, снимал-то всегда Никитушка. А за такую мелочовку, как пятьдесят тысяч «деревянными», говорит следователь, ни один уважающий себя киллер работать не будет. Вот на том, Танечка, все и кончилось. Получается, нет у них доказательств против моей снохи. Но я-то знаю, сердцем материнским чувствую: она это! Злыдня эта моего сыночка убила! Чтоб ей сгинуть, твари! И поэтому я прошу вас, нет, заклинаю: докажите, что это она! Помогите наказать преступницу, не дайте ей спокойно жить, пусть ее постигнет кара за то, что она сотворила! Возмездие должно свершиться! Пусть она сгниет в тюрьме! А я никаких денег на это не пожалею, надо будет – займу!

Когда я вышла от Вероники Станиславовны, в моем кошельке лежал аванс в виде нескольких купюр приличного достоинства. Таким образом, как это уже часто случалось, нежданно-негаданно у меня появилось новое дело. Я бы, конечно, была не прочь отдохнуть пару-тройку деньков после окончания предыдущего расследования, но, раз уж так вышло, не отказываться же от нового клиента!.. Жалко только, с Леной нам в тот день так и не удалось пообщаться. С Вероникой Станиславовной мы проговорили довольно долго, а когда, закончив беседу, вышли вдвоем в подъезд, подруга извинилась, сказала, что у нее есть неотложное дело, и ушла к себе. А я, естественно, поехала домой: мне предстояло составить договор об оказании услуг частного сыщика и все хорошенько обдумать за чашечкой кофе.

Я ехала в машине и прокручивала в голове разговор с моей новой знакомой, Говоровой Вероникой Станиславовной. Итак, у нее погиб сын... Да, прямо скажем, жуткая смерть – такого и врагу не пожелаешь! Сгореть в собственном гараже... Интересно, был у него хоть малейший шанс? Мог ли он хоть как-то выбраться? Скажем, выломать дверь гаража? Хотя о чем это я? Не было у него никакого шанса, ни малейшего! Если снаружи подпереть дверь доской, изнутри ее никакая сила не откроет, проверено! Значит, действовали наверняка и, скорее всего, не спонтанно, а с расчетом...

Дома я первым делом сварила кофе, достала из пачки сигаретку и уселась со всем этим добром в кресло. Итак, на чем мы остановились, Татьяна Александровна? А, да... Действовали с расчетом... А клиентка-то моя права: женушке смерть парня выгоднее всего. Если они ругались, – а это мне еще предстоит установить, а то свекрови любят порой кое-что и приукрасить, – то, стало быть, имеет место такое чувство, как неприязнь. Я встала с дивана и достала из сумки фотографии, которые – с разрешения хозяйки, разумеется, – захватила с собой. Так-так, вот она, Светка – вкусная конфетка. Я принялась заново изучать внешность нашей подозреваемой.

Да, девушка явно не средних способностей, по всему видно. Это вам не Олеся, крашенная блондинка, заносчивая, вздорная и недалекая в смысле интеллекта. У той на лице полкило косметики, а во взгляде – заносчивость и пустота. Нет, Света – девушка с умом, вон у нее какие интересные глаза! Взгляд сосредоточенный, стрижка короткая, практически мужская, косметики – минимум. Правильно, настоящая женская красота не в длине ресниц, согнувшихся под тяжестью туши... в другую сторону. Света у нас шатенка. У нее правильные черты лица, а глаза, как я уже говорила, зеленые, почти как у меня. Губы чуть тронуты помадой светлого тона. Что там говорила про нее Вероника Станиславовна? До знакомства с Никитой Света закончила педагогический вуз и работала преподавателем физики в каком-то техникуме. После свадьбы муж настоял, чтобы она ушла с работы. Она подчинилась, но неохотно...

Я отпила еще немного кофе, смакуя его терпкий вкус. А вот я не люблю, когда мужья настаивают на том, чтобы жена уходила с работы и сидела дома. Вот что хотите со мной делайте, а это как-то неправильно, что ли. Да, именно так. Теряется принцип равноправия. По опыту знаю: женщины в таких семьях, как правило, несчастливы. Они превращаются в эдаких домашних клуш, перестают следить за собой, постепенно опускаются... Нет, не в том смысле, что начинают пить, хотя я и такие примеры знаю, а просто становятся лишними для общества. Вот, точно, хорошее слово – *лишние*, не нужные никому, кроме своих мужей-эгоистов, которые заперли их в четырех стенах, да еще и ждут, что им будут за это благодарны!

И в таком случае я Свету прекрасно понимаю: имея диплом педагога, отпахав пять лет за него в институте, она теперь сидит с этим дипломом дома и только и делает, что драит полы да варит щи. Жуть! И кому все это надо, кроме ее драгоценного супруга?! И неважно, что по документам она – соучредитель кафе, фактически Света – домохозяйка, только и всего. Но не убивать же из-за этого собственного мужа!

Я поставила пустую чашку на тумбочку и закурила. Значит, так. Первым делом мне надо встретиться со Светой. Раз она – наш главный подозреваемый и для нее смерть супруга была выгоднее всего (хотя это еще не факт!), начать надо именно с нее. Не посмотрев на эту мамзель, я не смогу судить о ней объективно. И еще: надо бы поговорить со следяком, ведущим это дело. Ну, это для нас как раз не проблема, в этом мне поможет Андрюша Мельников, мой друг и бывший одноклассник по юридическому институту. Он у нас работает в «органах», помогает мне всегда и всем, чем может, и я, разумеется, плачу ему той же монетой.

Я взяла телефон и набрала его номер.

– Андрюша! Привет, дорогой! А это я, Танюша...

– Привет. Чем порадуешь?

– У меня новое дело, – похвалилась я тоном маленькой девочки, которую угостили конфеткой.

– Кто бы сомневался! Услуги частных сыщиков в последнее время, я вижу, пользуются спросом.

– Завидуешь?

– Радуюсь за тебя.

– А-а... В таком случае, радостный ты мой, скажи: знаешь, что мне от тебя в данный момент нужно?

– А вот представь себе, знаю! Раздобыть какие-нибудь сведения, полезные для твоего дела, – в голосе моего друга слышалась усмешка. – Ну, что, мать, угадал?

– Боже мой, Андрюша! Ты действительно угадал! – делано восхитилась я. – Какой ум! Какой талант предвидения! Какие незаурядные дедуктивные способности!

– Ну, хватит, хватит, перехвалишь! Еще задохнусь от гордости. Так чем тебе помочь-то?

– Нужно узнать, Андрюшечка, всего-то-навсего, кто ведет дело по факту гибели предпринимателя Говорова Никиты Александровича, – уже спокойным тоном объяснила я. – Ну, и, по возможности, свести меня с этим следователем.

– Подожди... Говоров... Говоров... А, это тот, сгоревший недели две тому назад в своем гараже?

– Не сгорел, Андрюшечка, не сгорел, – тут же поправила я моего друга, – его сожгли!

– Да, я что-то слышал, читал сводки... Тебе повезло, мать: дело у нас, в нашем отделе.

– Я так и подумала: территориально оно должно было попасть именно к вам. Так что, со следаком познакомишь?

– Мать, разве можно тебе отказать?

– Нельзя, Андрюшечка, никак нельзя! Даже не думай отказывать мне.

– Хорошо, я разужнаю, кому отдали дело, и перезвоню тебе.

– Сын мой! Ты принял верное решение! Истинно глаголю: труды твои не пропадут даром!

– Все дурачишься, мать? Конечно, тебе там весело: у тебя расследование на счету всего одно, и то оплачивается – будь здоров! А мне вот начальство только что новое дело сосватало, восьмое по очереди! Сижу, понимаешь, копаюсь...

– Смотри там, совсем не закопайся! Ты еще нам нужен.

– Да уж постараюсь.

– Вот-вот, старайся, сын мой, очень старайся!

– Ладно, мать, давай, а то мне тут некогда, правда...

– Жду звонка!

Я положила трубку. Скоро Андрей перезвонит мне и скажет, кто ведет дело Говорова, а я пока что могу и отдохнуть, все равно обдумывать мне сейчас особо нечего: сведений маловато. Я отправилась в кухню перекусить остатками вчерашнего супа...

Он перезвонил часа через полтора и сказал, что дело Никиты ведет следователь Ложкин, и при этом добавил сочувственно, что мне вообще-то не повезло.

– Почему? – сразу насторожилась я.

– Потому что старший лейтенант Ложкин Вадим Вадимович... как бы это помягче сказать? Не проявляет в делах особого рвения. Вот.

– О-о-о... – безрадостно протянула я, – кажется, мне действительно не повезло. Хотя, подожди, почему не повезло-то? Как раз очень даже повезло!

– Да? – с сомнением в голосе спросил Андрюша. – И в чем же?

– А вот в том и повезло: ваш старший лейтенант Ложкин не проявляет в делах особого рвения, а я – возьму и проявлю! И найду настоящего преступника.

– Но наше начальство вряд ли оценит твои заслуги, – предупредил мой друг. – Во всяком случае, в звании тебя точно не повысят и премию не выпишут!

– Ну, насчет звания... я уж как-нибудь переживу, будь уверен, а вот премия... Да нужна она мне, ваша премия! Думаешь, мне не хватает на проездной?

– Почему именно на проездной? – удивился Мельников.

– А что еще можно купить на вашу премию? Ну, разве что в «Пирожковую» сходить. Один раз...

– Да-а... – печально подтвердил мой друг, – у нас даже бесплатный проезд в общественном транспорте отменили...

– Бедные вы, бедные! – вздохнула я, выражая сочувствие моему другу. – Кстати, ты договорился с этим Ложкиным о randеву со мной?

– А ты в этом сомневалась?

– Ну что ты, Андрюшечка! В тебе – никогда!

Я искренне поблагодарила Мельникова, запомнила номер мобильного старшего лейтенанта Ложкина и положила трубку. Вот прямо сейчас и поговорю с этим нерадивым следователем, зачем время тянуть?

Нерадивый следователь имел приятный голос и несколько ленивую манеру речи:

– Слу-ушаю вас...

– Здравствуйте. Я – частный детектив Татьяна Иванова. Мой друг Андрей Мельников...

– Да-а, он говорил мне, я в ку-урсе.

– Скажите, Вадим Вадимович, когда вам будет удобнее встретиться со мной?

– Ну-у... где-то через час я закончу свои дела-а, и вы можете подъехать.

– А... номер вашего кабинета?

– Триста тридцать девятый.

Он отключился. Я посмотрела на часы: без двух минут пять. Значит, мне пора собираться, пока еще дотащишься по этим «пробкам»...

В Андрюшином отделении меня знали: мне не раз приходилось бывать здесь, и дежурный встретил меня как старую знакомую. Да и задерживать меня на «вертушке» было бесполезно: все равно я позвоню на мобильный Мельникову, тот перезвонит этому молодому симпатичному лейтенанту и даст команду пропустить меня.

Я зашагала по ярко освещенному коридору третьего этажа.

Кабинет Ложкина располагался неподалеку от лестницы. Я постучала в дверь и услышала ленивое: «Войди-ите».

Он сидел за большим письменным столом и неторопливо щелкал по «клаве» компьютера. Подняв на меня глаза, старший лейтенант удивленно вскинул брови. Он был молод, я бы сказала, что ему не больше лет, чем мне, – двадцать семь, от силы. Обаяние так и светило на его лице: Ложкин был приятным на вид молодым человеком, похожим на артиста Егора Бероева.

– А Мельников не сказал, что его знакомая – до о-одури красивая девушка. Вот гад!

Я немного опешила: приветствие подобного рода я слышала впервые.

– Боже, какая фигу-ура, – да вы просто модель!.. Прошу вас...

Хозяин кабинета указал мне на стул напротив его стола. Я прошла к стулу и опустилась на него.

– Андрей сказал... – начала было я, но Ложкин бесцеремонно перебил меня:

– Да бог с ним, с вашим Андреем! Вам говорили, что у вас поразительные глаза? Такой необыкновенный зеленый цвет!

Вот еще! Нет, то есть мне, конечно, говорили о моих глазах и фигуре, комплиментов выслушать мне пришлось на своем веку немало (и, скажу без ложной скромности, было за что), но этот крендель, сидевший передо мной и нагло пялившийся на меня, был мне до чертиков неприятен. Такого бесцеремонного нахала я давно не встречала, тем более в органах. А его манера говорить, растягивая слова, вообще выводила меня из себя. Теперь я понимала, что значили слова Мельникова, что мне вообще-то не повезло. Но я постаралась взять себя в руки, в конце концов, от этого субъекта кое-что зависело в моей работе.

– Вадим Вадимович, – начала было я, но Ложкин снова перебил меня:

– Ну-у, что вы, Танечка! Что ж вы так официа-ально: «Вади-им Вади-имович...» Предлагаю называть друг друга просто по имени и говорить друг другу «ты». А? Как тебе?

Прыткий малый! Вот прямо так с наскока берет быка за рога. Ну-ну...

– Вадим... – Я откашлялась, показывая, что мне вообще-то неудобно называть его просто по имени, что официоз был бы в данном случае более уместен, – вы... ты ведешь дело предпринимателя Говорова...

– Это того, которого сожгли в собственном гараже? – Ложкин рассмеялся.

Я даже растерялась: ничего себе! Что смешного в том, что человека сожгли заживо?! Чему ж тут радоваться?!

– А что, это было так весело? – не удержалась я от сарказма.

– Да мамаша его меня просто задолбала: докажите, говорит, что это сделала моя сноха, и все тут! Вот вынь да положь ей доказательства! Ну, свекрови! Нет, не зря их свекровьями называют: столько крови из человека выпить способны, гадюки!..

Интересно, откуда тебе-то это известно, подумала я. Или у тебя самого есть свекровь? А вслух сказала:

– А что, с доказательствами против снохи туго?

– Да она в то время в ночном клубе отрывалась, я все проверил. С ней друзья были – две пары, то есть четыре человека, кроме нее. И еще: они не очень-то тихо себя вели, выпили лишнего, пошумели немного... Короче, официант их тоже запомнил... Да и потом, Тань, давай откровенно: разве могла тридцатидвухлетняя телка подпереть дверь гаража доской, а потом залезть на крышу и налить в вентиляционную трубу бензин? Да, а потом еще и надо было взять какую-нибудь тряпку, намочить ее в том же бензине и бросить – зажженную! – туда же!

Я сделала вид, что слово «телка» меня не покорило. Но с доводами Ложкина я была готова согласиться. Действительно, проделать все это женщине было бы довольно-таки проблематично, хотя кто знает! В моей практике случалось всякое.

– А другие версии? – спросила я.

– Проверяем... – уклончиво ответил следователь и вновь воззрился на меня.

– Так были у Говорова другие враги? – не унималась я, не обращая внимания на его бесцеремонные взгляды. – Все-таки он – предприниматель... конкуренты и все такое...

– Проверяем, – напомнил мне Ложкин. – Но врагов у пострадавшего, по-моему, не было.

Вот как?! Не было врагов? Странно, подумала я, сейчас такое время, что даже у какой-нибудь болтливой старушки на лавочке есть свои враги: «промыла» она кому-нибудь из соседей косточки – и вот тебе, пожалуйста! А тут – предприниматель! Я с сомнением посмотрела на хозяина кабинета.

– А что ты делаешь сегодня вечером? – неожиданно спросил он, пытаясь обольстить меня своей «бероевской» улыбкой.

Ни фига себе поворот! Я прямо опешила от такой детской непосредственности следователя.

– Вообще-то, сейчас уже вечер, – попробовала отшутиться я, – время-то – седьмой час.